

© 1999 г. В.В. ПОНАРЯДОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ С УСЕЧЕННЫМИ ЛИЧНЫМИ АФФИКСАМИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В зависимости от типа присоединяемых личных окончаний в тюркских языках различаются две серии финитных глагольных форм.

Происхождения первой из них прозрачно. К основе соответствующего времени, которая в большинстве случаев может употребляться атрибутивно как причастие и является причастием по происхождению, добавляются личные "аффиксы сказуемости", которые присоединяются и к именам при их сказуемом употреблении. Эти аффиксы образовались в результате агглютинации личных местоимений и материально очень близки к ним. Процесс их формирования может быть прослежен по памятникам письменности. Ср. в кумыкском языке:

<i>men geler-men</i> ¹ 'я приду'	<i>men işçi-men</i> 'я рабочий'
<i>sen geler-sen</i> 'ты придешь'	<i>sen işçi-sen</i> 'ты рабочий'
<i>biz geler-biz</i> 'мы придем'	<i>biz işçi-biz</i> 'мы рабочие'
<i>siz geler-siz</i> 'вы придете'	<i>siz işçi-siz</i> 'они рабочие'

Формы же прошедшего времени на *-du* и условного наклонения (на *-sa*)² требуют употребления так называемых усеченных личных аффиксов, материально тождественных (кроме формы 1-го лица множественного числа, которая в большинстве языков принимает особое окончание *-k*) с лично-притяжательными аффиксами. Ср. в кумыкском языке:

<i>men geldi-m</i> 'я пришел'	<i>tereze-m</i> 'мое окно'
<i>sen geldi-ŋ</i> 'ты пришел'	<i>tereze-ŋ</i> 'твое окно'
<i>biz geldi-k</i> ³ 'мы пришли'	<i>tereze-biz</i> 'наше окно'
<i>siz geldi-giz</i> 'вы пришли'	<i>tereze-giz</i> 'ваше окно'

Выяснением происхождения прошедшего времени на *-du* и условного наклонения на *-sa*, рассматриваемых чаще всего независимо друг от друга, занимались многие тюркологи⁴. Однако удовлетворительного решения этой проблемы до сих пор не достигнуто.

¹ В статье для передачи тюркских примеров использована латинская транскрипция, где *y* = *ы*, *j* = *й*, *ş* = *ш*, *ç* = *ч*, *dž* – звонкая шипящая аффриката, *ŋ* – заднеязычный носовой, *k* используется для передачи как заднеязычного, так и увулярного взрывных, т.к. эти звуки в исконно тюркской лексике не противопоставлены (их употребление регулируется правилами сингармонизма). Остальные знаки объяснения не требуют. Аффиксы вне словоформ приводятся в форме, употребляемой после основ с заднерядным вокализмом, оканчивающихся на гласный.

² Н.А. Баскаков относит сюда же некоторые формы повелительного и желательного наклонений, что вряд ли правомерно: в них наблюдается смешение усеченных личных окончаний со специфическими, характерными только для этих наклонений [Баскаков 1953].

³ В алтайском языке сосуществуют формы *keldik* и *keldibis* 'мы пришли'.

⁴ Изложение и критический разбор имеющихся гипотез см. в [СИГТЯ 1988: 347–356, 373–385].

Одна из наиболее распространенных гипотез видит в современных формах типа *al-dy-m* 'я взял', *al-sa-m* 'если я возьму' результат фонетической редукции древних форм **al-dyk-man* (< *al-* + афф. отглагол. имени *-dyk* + афф. сказуемости), **al-yy-sar-man* (< *al-* + афф. отглагол. имени *-yy* + форма наст.-буд. времени на *-r* глагола *sa-* 'желать' + афф. сказуемости). Таковым считают происхождение формы на *-dy* О. Бётлингк, А.П. Поцелуевский, Н.А. Баскаков, А.М. Щербак⁵, а формы на *-sa* – В. Банг, Г. Рамstedт, Н.А. Баскаков. Однако чем, в таком случае, объяснить то, что редукция полных личных аффиксов в усеченные произошла именно в этих формах, а во всех остальных временах и наклонениях (кроме повелительного, имеющего особую парадигму) полные личные аффиксы сохранились? Объяснение большей древностью форм с усеченными аффиксами неприемлемо: в таком случае придется предполагать два последовательных и независимых процесса возникновения личных глагольных окончаний из одних и тех же элементов (личных местоимений) в истории тюркских языков. При этом редукция аффиксов *-dyk* и *-sar* обнаруживает странную неравномерность: она синхронно наблюдается в одних глагольных формах и отсутствует в других. Форма условного наклонения на *-sar*, употребляемая вместо формы на *-sa* в некоторых древних памятниках, а из современных языков – в фонетически измененном виде в якутском, в отличие от последней всегда принимает полные личные аффиксы. Что касается формы на *-dyk*, то она в сказуемом употреблении встречается крайне редко (и в таком случае вообще не принимает личных окончаний): уже в древнейших письменных памятниках широко представлено прошедшее время на *-dy*, снабжаемое усеченными личными аффиксами. Все это не позволяет принять изложенную гипотезу.

Так как использование усеченных личных аффиксов четко ограничивает прошедшее время на *-dy* и условное наклонение на *-sa* от всех прочих времен и наклонений, ясно, что любая гипотеза, претендующая на объяснение происхождения данных форм, должна одновременно объяснять употребление при них усеченных личных аффиксов⁶.

Этому требованию удовлетворяет выдвигаемая П.М. Мелиоранским, В. Бангом, В. Брокельманом, Г. Рамstedтом, Н.К. Дмитриевым, Б.А. Серебренниковым и некоторыми другими исследователями гипотеза о происхождении прошедшего времени на *-dy* из имени действия на *-t*, которое употреблялось с притяжательными аффиксами и сопровождалось словами *bar* 'есть, имеется' или *jok* 'нет, не имеется' (*al-dy-m* 'я взял' < **al-yt-ym bar* 'мое взятие имеется'). В подтверждение возможности подобного развития приводятся существующие в тюркских языках аналогично построенные конструкции с отглагольным именем на *yan* типа *al-yan-ym bar* 'мне случилось брать'⁷. Однако в таком случае, как справедливо замечает А.Г. Бишев, совершенно необъяснимо исчезновение элемента *bar* или *jok* (в конструкциях с именем на *-yan* он никогда не выпадает) [Бишев 1971]. Не совсем ясны также фонетические детали редукции **alytym* > *aldym*.

Оставив без рассмотрения еще более уязвимые и не имеющие большого числа сторонников предположения С.Е. Малова, видевшего в прошедшем времени на *-dy* производное деепричастия на *-ty*, А.Н. Кононова, связывавшего ее с притяжательным аффиксом 3-го лица *-sy*, В.В. Радлова, производившего форму на *-dy* от глагола *tur-* 'стоять', а форму на *-sa* – от сочетания причастных аффиксов *syk* и *-r*, отметим попытки Г. Рамstedта [Рамstedт 1957: 167–169], В.М. Иллич-Свитыча [Иллич-Свитыч

⁵ А.М. Щербак предполагает исходную форму типа *al-dyy-man* (т.е. происхождение из имени действия на *-dyy*, а не на *-dyk*).

⁶ По-видимому, впервые на это обстоятельство указал Б.А. Серебренников [Серебренников 1986: 31].

⁷ Наиболее подробное изложение этой гипотезы см. в [Дмитриев 1948: 140–143]. Следует отметить, что Н.К. Дмитриев усматривал наличие притяжательного аффикса и в 3-м лице, члена соответствующие формы как *al-d-ym* 'я взял', *al-d-yy* 'ты взял', *al-d-y* 'он взял' и отрывая их, таким образом, от форм условного наклонения, в которых аффикс 3-го лица *-y l-sy* не может быть выделен.

1971: 218] и А.Г. Биешева [Бишев 1971] найти аффиксы, родственные тюркским показателям *-du* и *-sa*, в других языковых группах. Поскольку родство алтайских и ностратических языков остается недоказанным, эти гипотезы выглядят весьма сомнительно. Кроме того, построения Рамстедта и Иллич-Свитыча не объясняют употребления в тюркских языках усеченных личных аффиксов при этих формах, а версия Биешева, указывающего на аналогичное поведение тунгусо-маньчжурских форм с аффиксом **-taj*, вместо решения вопроса только отодвигает его в прошлое.

Для выяснения происхождения прошедшего времени на *-du* и условного наклонения на *-sa* необходимо учитывать положение их показателей среди других аффиксов, которые могут быть связаны с ними по происхождению (о чем позволяет судить определенное материальное и семантическое сходство) или по положению в языковой системе.

Такой подход к решению данной проблемы не нов. Еще в начале 50-х годов его пытался использовать Н.А. Баскаков, который писал: "...при исследовании и анализе каждого слова и каждой грамматической формы необходимо привлекать максимальное количество фактов и явлений языка, связанных с предметом исследования единой цепью развития, и отказаться от изучения отдельных слов и форм словообразования отдельно от других, близких по семантике и фонетическому оформлению слов или грамматических форм" [Баскаков 1953: 36].

Н.А. Баскакову удалось обнаружить ряд аффиксов, генетически или функционально связанных с показателем условного наклонения *-sa*. Однако, отвергнув с самого начала возможность идентичности усеченных личных аффиксов с притяжательными окончаниями [Баскаков 1953: 35], он не смог объяснить причину их употребления в соответствующих глагольных формах и присоединился к гипотезе фонетической редукции, недостатки которой указаны выше.

Между тем совпадение многих усеченных личных аффиксов с притяжательными (при резком отличии тех и других от полных личных окончаний) делает их историческую идентичность очень вероятной. При этом первоначальным было, несомненно, поссесивное значение, в пользу чего свидетельствует то, что их материальный облик наиболее убедительно объясняется, исходя из форм родительного падежа личных местоимений [СИГТЯ 1988: 22–28].

Руководствуясь вышеизложенными соображениями, начнем рассмотрение с показателя прошедшего времени *-du*. Кажется, ни у кого из тюркологов не вызывает сомнения, что генетически ему наиболее близок аффикс отглагольного имени *-dyk*. При этом возможны (и представлены в тюркологических исследованиях) две точки зрения: во-первых, аффикс *-du* может быть результатом редукции аффикса *-dyk*, во-вторых, аффикс *-dyk* может быть образован от аффикса *-du* прибавлением элемента *-k*. Против первого предположения свидетельствуют факты и соображения, изложенные выше. Второе же подкрепляется тем обстоятельством, что во всех тюркских языках аффиксы *-du* и *-dyk* сосуществуют (даже в тех, где последний вытеснен в сферу непродуктивного словообразования) – каждый из них имеет четко очерченные и непересекающиеся сферы функционирования. Кроме того, наличие или отсутствие элемента *-k* различает между собой многие другие аффиксы. Не ставя здесь задачей определение его первоначального значения и происхождения⁸, отметим, что форма с аффиксом *-du* соотносится с формой на *-dyk* так же, как условное наклонение на *-sa* соотносится с отглагольным именем на *-sak*, имя действия на *-ma* – с именем действия на *-mak*, прилагательные обладания на *-ly* – с абстрактными именами на *-lyk*⁹ и, наконец, чистые глагольные основы – с непродуктивно образованными от них посредством аффикса *-k* прилагательными и существительными (ср. тур. *aç-* 'открывать' –

⁸ Об аффиксе *-k* см. [Серебренников, Гаджиева 1979: 106–107; Рамстедт 1957: 124–130].

⁹ В некоторых языках аффикс *-lyk/tyu* образует также прилагательные обладания.

а^{сык} 'открытый', *hoz-* 'портить' – *bozuk* 'испорченный' *kork* 'пугаться' – *korkak* 'трусливый', *dur-* 'останавливаться' – *durak* 'остановка' *kes-* 'резать' – *kesek* 'кусок' и т.д.).

Бросается в глаза глубокий параллелизм между образуемыми от глагольных основ формами на *-dy*, *-dyk*, с одной стороны, и образуемыми от именных основ формами на *-ly*, *-lyk*, с другой. Выражается он как в проникновении последних в глагольную парадигму некоторых языков (ср. тур., азерб., туркм., крым.-тат. *jaz-ma-ly* 'должен написать', карач.-балк. *bar-lyk-dy* 'пойдет', казах. диал. *bar-u-ly* 'пошел'), так и в возможности фонетического совпадения их аллофонов в некоторых языках (ср. казах. *at-ty* 'всадник' < *at* 'конь' + *ly*; *at-ty* 'он выстрелил' < *at-* 'стрелять' + *-dy*). Точно так же аффиксу условного наклонения глагола *-sa* в именной сфере соответствует аффикс уподобления и неполного обладания *-su* (ср. тур. *majmun-su* 'обезьяноподобный')¹⁰. Учет всех вероятных внутритюркских связей аффиксов *-dy* и *-sa* позволяет выяснить их происхождение и объяснить особенности их функционирования.

Параллелизм между аффиксами *-dy*, *-sa* и *-ly*, *-su* может объясняться только исторической близостью их функций¹¹. Каковы же были эти функции? Так как аффиксы *-dy*, *-sa* являются глагольными, а аффиксы *-ly*, *-su* – именными (хотя и с тенденцией проникновения в глагольную парадигму), очевидно, что их доисторические прототипы могли безразлично присоединяться и к именным, и к глагольным основам¹². Это явление можно сравнить с аналогичным поведением аффиксов **-to*, **-no* в индоевропейских языках, которые в сочетании с именными основами тоже образуют прилагательные обладания, а при присоединении к глагольным основам образуют пассивные причастия, послужившие в ряде языков основой образования вторичного перфекта (превращающегося иногда в претерит): ср. лат. *barba-tu-s* 'бородатый', но *ama-tu-s* 'любимый' (> исп. *ha amado* 'любил').

Учитывая следы перфективности, наблюдаемые у прошедшего времени на *-dy* [Серебренников, Гаджиева, 1979], следует предположить и для него подобный путь развития¹³. Однако принимая эту аналогию, нужно заметить, что, подобно тому, как это имеет место в индоевропейских языках, форма, образованная от переходной глагольной основы с помощью аффикса *-dy*, первоначально могла быть только пассивным причастием. При ее предикативном употреблении логический объект становился грамматическим субъектом, а логический субъект первоначально отсутствовал. Образовывалась конструкция типа *ok atty*, понимаемая сейчас как '(кто-то – субъект не указан) стрелу выстрелил', однако такое понимание является результатом переосмысления первоначального 'стрела выстрелена', или, вернее, 'стрела есть нечто выстреленное'. В таком случае необходимость выражения в составе предложения логического субъекта привела к тому, что причастие-предикат в тюркских языках начало принимать притяжательные аффиксы и образовались "эргативообразные" конструкции типа *ok atty-m* с первоначальным значением 'стрела есть нечто мое выстреленное', что было позднее переосмыслено как 'я стрелу выстрелил'. Переосмысление первоначальной пассивной конструкции в активную привело к воз-

¹⁰ Н.А. Баскаков заметил параллелизм между аффиксами *-sak* / *-syk*, *-lyk*, *-dyk* и *-džak* (последний образует причастие будущего времени). Ср. следующие примеры из Словаря Махмуда Кашгарского, где аффиксы *-sak* и *-ly*, *-lyk* присоединяются к имени действия на *-уу*: *ol any tutuysak erdi* 'он хотел его схватить' – *ol any tutuylu ol* 'он думает схватить его'; *ol any satuysak ol* 'он хочет его продать' – *ol satuyluk turur* 'он думает продать' [Баскаков 1953].

¹¹ Соблазнительно видеть в аффиксах *-dy* и *-ly* результат разного фонетического развития единого в прошлом форманта. Однако не менее вероятной является их синонимичность при независимом происхождении.

¹² Возможная интерпретация: аффикс присоединялся к синкретической глагольно-именной основе.

¹³ Здесь уместно поставить в рамках ностратической гипотезы следующий вопрос: не может ли тюркский аффикс прошедшего времени *-dy* иметь единое происхождение с индоевропейским причастным аффиксом **-to*? При этом в отдельных случаях могут быть сопоставлены целые словоформы: ср. тур. *kap-ty* 'он схватил' – лат. *cap-tu-s* 'схваченный'.

возможности лексического выражения логического субъекта помещаемым в начало предложения именем в именительном падеже, а логический объект был переосмыслен из грамматического субъекта в грамматический объект, что облегчалось совпадением в тюркских языках неформальной формы винительного падежа с именительным падежом. Эти процессы полностью идентичны тем, которые имели место в истории иранских языков, вплоть до отсутствия оформления причастия притяжательной морфемой в 3-м лице [ОИТИЯ 1975: 181–189; ЯАА 1978: 76, 151–153, 248–249]. Сходную эволюцию претерпел перфект и в ряде других индоевропейских языков [Маслов 1949].

Видимо, первоначально близкие (или идентичные) аффиксы *-du* и *-ly* со временем разделили свои функции. В то время как аффикс *-du* был переосмыслен как показатель прошедшего времени глагола, аффикс *-ly* все более ограничивал сферу своего применения отыменным словообразованием.

Точно так же из прилагательных неполного обладания и сходства на *-su* в сказуемом употреблении развилось условное наклонение на *-sa*¹⁴. Условное наклонение на *-sar*, видимо, представляет собой форму настоящего-будущего времени на *-r* от основы условного наклонения на *-sa*. В пользу такого предположения свидетельствует как совпадение темпоральных планов условного наклонения на *-sa/-sar* и настоящего-будущего времени на *-r* (употребление аффикса *-r* в составе аффикса *-sa-r* по существу плеонастично), так и сочетаемость формы на *-sar*, как и настоящего-будущего времени на *-r*, с полными личными окончаниями. Отличие такого понимания происхождения аффикса условного наклонения *-sar* от точек зрения В.В. Радлова, В. Банга, Г. Рамстедта и Н.А. Баскакова, также усматривавших в его составе показатель настоящего-будущего времени *-r*, заключается в том, что они рассматривали форму на *-sa* как вторичную, образовавшуюся в результате редукции аффикса *-sar*.

Преимуществом данной гипотезы перед предшествующими является то, что она позволяет объяснить почти все особенности функционирования глагольных форм на *-du* и *-sa*, опираясь на пути развития, зафиксированные (в том числе письменными источниками) в хорошо изученных индоевропейских языках. Вне ее компетенции остается лишь вопрос о происхождении окончания 1-го лица множественного числа *-k*, противопоставленного соответствующему притяжательному аффиксу *-myz /-byz*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баскаков Н.А. 1953 – К вопросу о происхождении условной формы на *-cal*-се в тюркских языках // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953.
- Бишиев А.Г. 1971 – О происхождении формы прошедшего времени на *-ды* в тюркских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
- Дмитриев Н.К. 1948 – Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.
- Иллич-Свитыч В.М. 1971 – Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (б – к). М., 1971.
- Маслов Ю.С. 1949 – К вопросу о происхождении possessивного перфекта // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. Вып. 14. Л., 1949.
- ОИТИЯ 1975 – Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. II. М., 1975.
- Рамстедт Г.И. 1957 – Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957.
- Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. 1979 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
- Серебренников Б.А. 1986 – Почему трудно верить сторонникам ностратической гипотезы? // ВЯ. 1986. № 3.
- СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.
- ЯАА 1978 – Языки Азии и Африки. Кн. II. М., 1978.

¹⁴ Фонетические детали (соотношение узкого гласного в аффиксе прилагательных *-su* и широкого в аффиксе условного наклонения *-sa*) не вполне ясны. Однако подобное чередование гласных наблюдается и в ряде других морфем, как аффиксальных (ср. тур. *gid-er* 'уйдет' – *gel-ir* 'придет', крым.-тат. *kes-ken* 'режущий' – *kes-kin* 'резкий'), так и корневых (тур. *ağac* 'дерево' – кирг. *džuuač*).